ГАГАРИН: первый самолет, первый спутник, первый космический корабль и первый полет человека в космос—вот этапы большого пути моей Родины к овладению тайнами природы.

☆ ☆

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!

Заявление Ю. А. Гагарина перед стартом

Перед полетом в космическое пространство на корабля-спутника «Восток» Ю. А. Гагарин сделал для печати и радио следующее заявление.

Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов!

Через несколько минут могучий космический корабль вынесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытания, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один с небывалым поединком с природой — можно ли мечтать о большем?

Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по ответственности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если, тем не менее, я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма—общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле.

Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, далеких и близких!

До скорой встречи!

Пресс-конференция в Доме ученых 15 апреля.

На снимке (слева направо): первый летчик-космонавт СССР Ю. А. ГАГАРИН, президент Академии наук СССР, академик А. Н. НЕСМЕЯНОВ, академик Н. М. СИСАКЯН.

Фото Ю. Кернера

УДИВИТЕЛЬНОЕ В УДИВИТЕЛЬНОМ

Даниил ДАНИН

СЛУЧИЛОСЬ так, что в ту апрельскую среду 1961 года, которая стала навсегда знаменитой, еще не успев превратиться в очередной четверг, два писателя мировой известности одновременно и всенародно признались в писательской своей беспомощности.

«Вот это да!.. И тут уже больше ничего не скажешь...» — написал 12 апреля Михаил Шолохов.

«Где то слово, которое вместит в себя волнение этого дня? Такого слова я не могу найти...» —написал 12 апреля Константин Федин.

Не странно ли? Очевидно, нет. Влекущие словом гораздо чаще замолкают не от того, что нечего сказать, а от того, что сказать надо бы слишком много. В ту среду в их немоте жило отражение поразительности происшедшего.

Сколько композиторов в ту среду садились за рояль и осторожно перебирали клавиши, боясь нарушить пространство не той мелодией: боже мой, как мало этих клавиш и как давно изведано их звучание! Сколько художников садились за мольберт и нерешительно трогали кистями палитру: ах, черт возьми, как мало красок в спектре и как невзрачны их возможные сочетания!

В ту историческую среду каждому человеку хотелось выразить себя не в слове, так в действии, не в мелодии, так в поступке, не в ударе кистью, так в порыве. В чем-то не будничном, не регулярном, что внезапно и доказательно отразило бы переполненность взбудораженной души и счастливое ощущение бескорыстнейшей сопричастности к великому событию дня. В каждом из нас искало выразиться—выплеснуться наружу—то шестое или, если хотите, первое чувство, которое, пылая или тлея, неизменно живет в любом человеке,— для каждого поколения единственное в своем роде чувство современности.

Подлинно исторические дни этим и отличаются от всех прочих: они пробуждают в нас обостренное чувство историчности нашего собственного, словно бы и несущественного бытия.

Может быть, в ту необычайную среду где-нибудь какой-нибудь наследный принц добровольно и впрок отрекался от престола? Это было бы с его стороны и своевременно и современно. Может быть, отчаявшийся самоубийца решил в ту среду остаться жить? Это тоже было бы современно и своевременно. Может быть, одичавший сектант в ту среду растоптал свой символ веры?.. Когда среди твоих знакомых нет сектантов, принцев и самоубийц, трудно, конечно, на опыте проверить такой исчерпывающий оптимизм. Но в ту небывалую среду все могло быть.

ДНЕМ через Спасские ворота Кремля в толпе окрыленных студентов проплыл юнец с самодельным белым плакатом на груди. Лист ватмана прикрывал его, как детский еще незаунженный змей, как щит средневекового рыцаря. Но юнец был рыцарем XX века: он начертал на своем щите священный призыв, для которого нужен был именно конструкторский ватман: самый невероятный призыв за все шесть миллиардов лет существования нашей планеты, за все миллионолетия ее обитаемости, за всю многовековость человеческой цивилизации. Ошеломляюще краткий и категорический призыв: «Все в космос!»

ВСЕ! Не меньше.

Еще не совсем своевременное по здравому размышлению, это было нечто великолепно современное по размаху замысла и чувства.

Неутомимому воображению восторженного юнца вряд ли рисовалась печальная картина обезлюдевшей Земли. Но ему уже виделась картина ракетодрома — нескончаемая очередь современников, садящихся в космические корабли для отправления туда, где, по живому и пока единственному свидетельству Юрия Гагарина, небо «темное, товарищи, очень темное». Он обнаружил философскую незаурядность, этот юнец: коротенькое слово «ВСЕ» надежно обеспечивало ему билет на один из будущих рейсов. Прекрасна забота о себе, когда она находит удовлетворение в окрыленности всего человечества.

Замечательный парень еще не знал, что совсем скоро вдали от Москвы его надежду поддержит только что приземлившийся первый космонавт. Юрий Гагарин на следующий день сказал журналистам, что будет время, когда люди станут отправляться в космическое путешествие вокруг Земли просто по путевкам профсоюзов...

Вот какая была среда: искусные мастера слова, изумленные, онемели, а искусное воображение молодости превратило еще невозможное в уже действительное! Нет, правда, в ту великую среду все могло быть.

ПОЖАЛУЙ, всего удивительней, что мир был потрясен событием, давно переставшим казаться небывалым.

Давно? Да, по стремительному календарю современности, довольно давно. Юрий Гагарин еще только кончал летное училище и летал на скромном «Миге» над оренбургскими степями, когда до Земли впервые донесся голос из космоса — радиотелеграфная песенка «би-би-би». Какой необыкновенной была эта песенка!

За много веков до того, как она раздалась, древний человек, еще не знавший границ своего малого дома — Земли, заглядался на небесный простор. Предчувствуя его бездонность, человек вообразил в его безграничности. Этой ревностью он наполнил свои мифы и сказки. Он поэтически почувствовал на тысячелетия раньше, чем понял, что бесконечная природа замыслила его, конечного, как совершенный инструмент для своего самопознания.

Спустя на всех языках мира все газеты говорят о полете в космос, как о древнейшей мечте человечества. Но чем могла питаться эта мечта, тем более удивительная, что искони и всюду она была бескорыстной?

Когда-то великий француз Рабле придумал жизнелюбивого гиганта Пантагрюэля. На смеси двух забытых языков это имя означало «всего жаждущий». Таким было всегда и само человечество. Не оттого ли зазвало оно космоса, что космос это ведь и есть ВСЕ? Но чем могла питаться надежда на утоление этой жажды?

Мечта казалась несбыточной, жажда неутолимой. До такой степени несбыточной и неутолимой, что человек в своих религиозных верованиях населил богами именно небо. Это было очень осмотрительно. Вера не предполагала опытной проверки. И казалось, что никогда и никто из землян не сможет покуситься на экспериментальное исследование бытия всевышнего. Выбрав небо для бога, человек полагал, что навсегда избавил свою веру от испытаний. Он втайне побаивался собственного критицизма.

И вот прозвучала та первая космическая песенка — «би-би-би». Это был еще не голос, а голосок. Неживой, механически однообразный и бедный. Но был он не музыкой сфер, а земною морзянкой. Человек создал это звучание в космосе по образу и подобию своего младенческого лепета. И с той поры уже нельзя было сомневаться, что небесполучное обудется. Наш первый космический малыш родился с многообещающим весом Пантагрюэля. И каждый понял, что неизбежно настанет время, когда этот восьмидесятикилограммовый шарик превратится в многотонный обитаемый космический корабль.

Впрочем, в те памятные дни осени 1957 года один генерал за океаном сказал, что не надо преувеличивать— советы запустили в небо просто кусок железа. Это было утешительно, но неграмотно. Физически неграмотно. Психологически неграмотно. Неграмотно исторически. И вопиюще антисовременно! (История должна бы коллекционировать такие высказывания в своей кунсткамере назидательных бессмыслиц, рядом с прогнозами нашей гибели в 1917 году и гитлеровским блицкригом 1941 года...) Наш первый спутник-малыш уже жаждал всего — он действительно жаждал космоса.

ВТУ великую среду слово бы и не произошло ничего сверхнеожиданного. Но кто предвидел, что таким опьяняющим будет первый глоток мирового пространства?

В сущности, до той среды оставались для каждого из нас непредвиденными только второстепенности. Мы уже знали: корабль поднимется в XX веке, он поднимется с советской земли, он облетит планету и вернется, повинуясь безупречному расчету. Мы не знали только, что это будет год 1961, апрель, 12-е, среда;

что это будет 108 минут полета;

что Юрием Гагариным из маленького Гжатска будет величаться первый посетитель космоса;

что окажется он отцом двух девочек и обладателем чистосердечной улыбки;

что обыкновеннейшим и привлекательнейшим из смертных предстанет он перед нами...

Невозможно забыть, как появился он во Внукове из недр громадного воздушного лайнера. Как вышел он один, не сумев заполнить своей маленькой ладной фигурой черного овала входного проема. Как легко сбежал он по трапу на поле аэропорта и так же легко пошел по ковровой дорожке, расстеленной ему человечеством. Пошел один, или, точнее, единственный. Невозможно забыть, как внезапно глубоко вздохнул он в пути, подавив волнение перед рапортом главе правительства, который ждал его с обнаженной головой.

Это невозможно забыть, потому что рапортовал он тысячелетней истории землян.

В этом внезапном соединении абстрактной громады вековечной и всечеловеческой мечты с милой земной конкретностью ее свершения — в этом и было то, что перехватило нам горло.

И это волнение уже никогда не забудется — оно отличило нас, современников полета космического корабля «Восток», от всех предшествовавших людских поколений и от всех, кто придет за нами. Мы, миллиарды, тоже были в ту среду единственными.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 47 (4326) | Вторник, 18 апреля 1961 г. | Цена 4 коп.

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

Первый полет человека в космос никого во всем мире не оставил равнодушным. Со всех концов Советской страны и из-за рубежа поступает в Москву непрерывный поток поздравлений. Почта этих последних дней превзошла по размерам все, что когда-либо имело место.

В сегодняшнем номере мы публикуем часть писем и телеграмм, полученных «Литературной газетой».

Мартирос Сарьян,

народный художник СССР

Когда узнаешь об одной из гигантских побед человеческого разума и отваги, мощи и красоты на протяжении всей его истории — о первом полете человека, советского гражданина, гордого сына нашей Родины Юрия Алексеевича Гагарина в космос, воочию видишь торжество солнечного света во всем мире и гордишься, что этот свет исходит от могучей дуги советского народа. И потому не случайно первый в мире космический корабль, управляемый человеком, носит имя «Восток».

Да будет полет «Востока» возвещением начала новой эры в истории человека, когда его мысль — сильная, всепронизающая — станет работать исключительно на пользу людям, во имя их счастья.

Да будут слова раздаваться по радио голоса всех грядущих дикторов, возвещающих о новых победах разума во славу полного торжества здорового телом и прекрасного духом человека.

И когда наша столица встречала Юрия Гагарина, я мысленно был среди ликующих москвичей — в аэропорту Внуково, на Ленинском проспекте, у древних стен Кремля на Красной площади. Я обнимал нашего дорогого соотечественника Юрия Алексеевича — первого космонавта мира. И во мне пробудилась благородная и искренняя зависть к человеку, которому удалось, как ни одному из жителей планеты Земля, приблизиться к Солнцу.

В эти очень радостные, полные необыкновенной взволнованности дни каждый гражданин нашей страны, в том числе и я, уже проживший долгую жизнь, чувствует себя в великом полете за великим будущим.

Камиль Яшен

Титанический труд советских ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих увенчался величайшей победой над грозной, таинственной стихией Вселенной.

Человечество сотни лет мечтало о том дне, когда его сын полетит в космос и покорит его. Мечта рождала замечательные легенды, сказки, передававшиеся из поколения в поколение. Эта мечта сбылась, и мы свидетели этого.

Первый космонавт — советский человек, его беспримерному подвигу удивляется сейчас весь мир.

Чудо, которое утвердил Гагарин, совершилось благодаря усилиям советского народа, благодаря заботам партии и правительства о расцвете отечественной науки и техники.

Я думаю, что мы, писатели, полнее всего сможем выразить свою радость, свою гордость в произведениях, душой которых будут люди, подобные Юрию Гагарину.

Карл Людвиг Опиц,

западногерманский писатель

Я восхищен, я поздравляю вас! Все мы здесь находимся под сильнейшим впечатлением от сообщения из Советского Союза. Примите еще раз наилучшие поздравления. Надеюсь вскоре услышать от вас еще что-нибудь радостное!

МЮНХЕН.

НАГРАДЫ СОЗДАТЕЛЯМ «ВОСТОКА»

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР признали необходимым наградить орденами и медалями СССР ученых, рабочих, техников, инженеров — участников создания космического корабля-спутника «Восток» и обеспечения первого в мире успешного полета советского человека в космос.

Соответствующим министерствам и ведомствам поручено представить к награждению персональный состав участников создания и обеспечения полета космического корабля-спутника «Восток».

Дневник писателя

СВОБОДА КУБЫ ПОД УГРОЗОЙ

ВЧЕРА В 5 ЧАСОВ УТРА ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ НАЧАЛАСЬ ВООРУЖЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ КУБЫ

НАРОД ДАЕТ ОТПОР НАЕМНИКАМ

Куба! Мы с тобой!

Куба сражается! Враги революции, которые до сих пор действовали исподтишка, методами тайных диверсий и террора, решились на открытое нападение. Всему миру ясно, какие темные, агрессивные силы стоят за спиной кучки предателей, кто толкнул их на проваливш авантюру против острова американской свободы.

Но они не застигли врасплох революционный народ. Куба давно начеку, Куба давно готова встретить врага.

Мне пришлось побывать на Кубе в тревожные дни января нынешнего года, когда кубинцы с часу на час ожидали вторжения врага. Я видел пулеметы на крышах домов и пушки на набережной Гаваны, я видел солдат в окопах на скалистом берегу провинции Ориенте, я видел тысячи людей, одетых в гимнастерки армии и народной милиции, с автоматами в руках. Среди этих людей были рабочие нефтеперегонных заводов и крестьяне, возделывающие сахарный тростник, студенты и профессора институтов, негры и белые, старики и подростки-школьники, мужчины и женщины — буквально весь народ, взявший в руки оружие и готовый защищать свободу до последней капли своей горячей крови. Я видел их лица, полные отваги и решимости, слышал, как на многотысячных митингах они, словно один человек, в страстном порыве твердят пламенный лозунг: «Родина или смерть!» Я слышал, как эти люди поют в одной из своих песен со спокойным и грозным достоинством: «Мы не хотим войны, нет, сеньор. Но, если они придут, — мы посмотрим!»

«Они» пришли! Ну что ж, тем хуже для этих наемных пришельцев! Кубинцы «посмотрят» на них только через прорези прицелов, через панорамы орудий, через смотровые щели танков.

Исход этой борьбы несомненен! Наемников сметет со свободной земли зеленого острова огонь народного гнева.

«Руки прочь от Кубы!» — раздается сейчас над миром. Маленькая гордая Куба, бросившая вызов империализму на американском континенте, не одинока, с ней сердца миллионов людей.

Тяжело думать, что на этой счастливой, солнечной земле сейчас льется кровь, что там гибнут люди, рушатся дома, полыхают пожары. Но мы знаем наших кубинских друзей, знаем силу кубинского народа и твердо верим в его победу. Мы с ним в его благородной борьбе.

Куба выстоит!
Куба победит!

С. С. СМИРНОВ

Руки прочь от героической Кубы!

Заявление Советского комитета защиты мира

Тревожная весть пришла из Кубы. Против мужественного свободолюбивого кубинского народа началась вооруженная интервенция, организованная и вдохновляемая американскими империалистами.

Злейшие враги революционного народа Кубы на протяжении многих месяцев разрабатывали в кабинетах Пентагона и ведомстве Даллеса планы вооруженного вторжения на кубинскую землю. Провокационные налеты бомбардировщиков американского производства «Б-26» на города Кубы, совершенные в последние дни, пожары и взрывы крупнейших зданий в Гаване — все это служило зловещим предзнаменованием и предвещало лишь одно: провокаторы войны готовили интервенцию против народа Кубы. И вот теперь они решили осуществить свои планы уничтожения свободной и независимой Кубинской Республики.

Выражая думы и чувства всех советских людей, Советский комитет защиты мира гневно клеймит бандитское нападение врагов кубинского народа, поощряемых агрессорами США. Американские империалисты бросили вызов мировому общественному мнению. Интервенция против Кубы, начатая под маской действий так называемых антикастровских сил, это угроза делу мира во всем мире. Враги мира стремятся осложнить международную обстановку, запугать народы Латинской Америки и других колониальных и зависимых стран, поднявшихся на борьбу за свою свободу и независимость. Но планам империалистов не суждено сбыться. Народ Кубы нельзя поставить на колени. С ним сегодня все миролюбивое человечество.

В этот тяжелый для кубинского народа час мы, советские сторонники мира, выражаем нашу глубокую и безграничную солидарность с героическим кубинским народом. Мы выражаем наше восхищение мужеством и отвагой народа Кубы, который под руководством своего прославленного вождя Фиделя Кастро твердо и непоколебимо отстаивает каждую пядь своей родной земли.

Мы желаем вам, наши кубинские братья и сестры, успеха в вашей священной борьбе против вооруженной интервенции, которая осуществляется правящими кругами США.

Вместе со всеми друзьями мира советские сторонники мира решительно заявляют:

Руки прочь от героической Кубы! Вон интервентов с кубинской земли.

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ МИРА

Плакат П. Мельникова и А. Левенкова

ИЗ ПОЧТЫ ЭТИХ ДНЕЙ

Константин Лордкипанидзе

Великий город Москва восторженно чествовал удивительного, неповторимого в своем роде героя в истории человечества — Юрия Гагарина. Над моим родным Тбилиси Гагарина салют в честь первого советского космонавта, в честь потрясающих успехов нашей науки и техники, в честь вдохновителя и организатора всех наших побед — Коммунистической партии Советского Союза. Мне нелегко передать то, что владело мною в тот момент.

В день полета я узнал, что лучшей бригаде тбилисской шелкоткацкой фабрики — бригаде коммунистического труда помощника мастера Роберта Мамучашвили присвоено имя Юрия Гагарина. В этом факте я вижу глубокий смысл. Гагарин совершил прыжок в будущее, а бригада Мамучашвили, как и другие бригады коммунистического труда, указывает путь в будущее, в коммунистическое завтра. Разве это не знаменательно? Разве ни о чем не говорит тот факт, что родившие 12 апреля сыновей счастливые матери Клавдия Гелашвили и Екатерина Дзукаева дали им имя Юра!

— Мы хотим, чтобы наши сыновья стали такими же достойными гражданами Страны Советов, каким является Юрий Гагарин.

Дайсон Картер,

канадский писатель

Полет первого космонавта озарил Вселенную светом нового эпохи. Советский рабочий класс, освобожденный социализмом, устремился в недосягаемую высь, оставив далеко внизу весь капиталистический мир.

Высокие моральные принципы социализма и благородные этические нормы, которыми руководствуются советские люди, самоотверженно работающие во имя общего блага, служат для нас мощным источником творческого вдохновения. Все разительнее выступает контраст между миром социализма и капитализмом.

Фантастическое развитие экономики в вашей стране, которая навсегда покончила с проклятием нищеты и открыла перед трудящимися воистину безграничные, космические перспективы, — яркое свидетельство несравненного превосходства вашей системы над системой капиталистической, задыхающейся в тисках кризиса.

Советская интеллигенция, вращенная трудящимися социалистической страны, явила себя миру как гениальный научный коллектив, опережающий на целую эпоху науку и технику капитализма.

Юрий Гагарин, мы приветствуем вас! В глазах сотен миллионов людей капиталистического мира вы — вдохновенный знаменосец на пути мира и свободы.

ОТТАВА.

Николай Козырев,

доктор физико-математических наук

Сегодня, может быть, еще трудно по достоинству оценить огромное, поистине историческое значение этого события. В космосе побывал первый человек, гражданин Советского Союза! Радостно сознавать, что осуществилась мечта первого теоретика внутрипланетных полетов Константина Эдуардовича Циолковского, что живет среди нас простой человек, русский летчик, который может сказать: я был в космосе.

Временами это кажется сказкой. Но это — действительность, реальность сегодняшнего дня. Нам свойственно при любых обстоятельствах заглядывать вперед. И я вижу день — он уже недалек,— когда советский космонавт побывает на Луне, а потом и на Марсе. И первый шаг к этому сделан 12 апреля.

Питер Темпест,

английский поэт

Примите, Юрий Гагарин, горячие поздравления, идущие из самой глубины моего сердца. Поздравляю ваше семейство и всю большую семью народов Советского Союза, воспитавшую и обучившую вас!

До сих пор такие же отважные первооткрыватели, как вы, обследовали в поисках новых знаний лик Земли. Вам же, товарищ Гагарин, гражданин СССР, принадлежит слава первого исследователя неизведанных пространств в новом измерении. Вам выпало счастье впервые в истории оторваться от матери человечества — Земли и взмыть в космос.

В это путешествие вас провожали и пожелали вам счастливого пути лишь немногие друзья, ученые, инженеры. Когда же вы вернулись, вас приветствовал весь мир! Пока вы изучали космос, мир изменился, и по возвращении вы застали его совсем иным. Ибо за время вашего короткого отсутствия каждый из нас изменился — для подтверждения этого не требуется медицинского заключения. В течение 108 минут, за которые вы совершили свой полет, все мы перешли рубеж, разделяющий две эпохи в истории человечества.

Такой нерушимой представлялась древним грекам связь с Землей, что они создали образ гиганта Антея, который терял всю силу, как только его ноги отрывались от матери-Земли. Вы продемонстрировали всему миру, что советский человек не только по-хозяйски ступает по Земле, но может также взвиться ввысь и стать первооткрывателем космоса, и сила его от этого не убудет!

Поэты веками воспевали звезды, внушавшие им любовь и изумление. Теперь вы, Юрий, первым среди людей познакомились со звездами поближе. И если вы захотите сказать нам, что глаза вашей жены Валентины сияют, словно звезды, то весь мир воспримет это как бесспорную истину... Ведь ваш полет был взлетом поэзии, и вы вернулись к нам на Землю поэтом космоса!

ЛОНДОН

Имран Касумов

Это поистине великое, ошеломляющее событие, которое открывает новую страницу в истории человечества. Трудно, очень трудно выразить словами чувства, охватившие каждого советского человека, когда радио принесло долгожданную волнующую весть: человек в космосе.

Свершилось! Наш родной советский человек, самоотверженный и вдохновенный творец прекрасного, проложил первую космическую трассу.

Фантастика, сказка, легенда! Да, все это похоже на чудесную сказку. Но недаром поется в одной из наших песен: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Мы годны тем, что стали счастливыми современниками этой прекрасной были.

За невиданным полетом первого пилота-космонавта Юрия Гагарина с восхищением следили весь мир, вся наша страна, страна крылатой мечты и изумительных свершений, ведомая великой партией коммунистов.

Слава отважному космонавту, слава всем, кто осуществил дерзновенную мысль человечества! Мечта великого русского ученого Константина Эдуардовича Циолковского о полете к звездам становится явью — покорение космоса советскими людьми началось.

Свершилось!

Иоханнес Семпер

Узная волнующую весть о первом полете человека в космическое пространство, хочется выразить свое изумление той быстротой, с которой пройден путь от первых позывных искусственного спутника Земли до полноценного полета первого человека-космонавта. На наших глазах смелыми усилиями советских людей мечты превращаются в действительность не только на Земле, но и в космическом пространстве. Слава советской науке, слава первому герою космоса!

Серафима Бирман,

народная артистка РСФСР

Советский человек — первый космонавт мира!

Сначала тебя, стоящую у радиоприемника, охватывает дрожь. В ней и потрясенность необъятностью события, и восторг, и гордость светлой мощью советской державы, великими достижениями ее науки, беззаветной храбростью наших людей.

Если раньше в песнях и поэзии воспевалось «безумство храбрых», то ныне воздается слава тем храбрецам, которые для самых дерзновенных свершений берут в союзники знание, опыт, осмотрительность, которые сердцем проникают к сердцу своего народа, к груди родной земли.

И наш народ, и наша земля как самого родного сына встретили Юрия Алексеевича Гагарина, вернувшегося из космического простора на родную межу,—его, кто как истинный воин рапортовал Советскому правительству, что задание им выполнено!

Ян Судрабкалн

С древних времен человек мечтал о проникновении в космос. Он замирал порой от восторга и от страха перед тайнами Вселенной, глядя в бездну звездной ночи, но ему не давала покоя мысль о полетах на далекие планеты, о встречах в пространствах солнечной системы.

И вот Юрий Алексеевич Гагарин на корабле-спутнике «Восток» устремился в дали и вернулся на родную землю. Ворота в космос открыты, путь проложен, и нет конца мечтам, планам и возможностям в покорении космоса человечеством.

Слава нашей социалистической Родине! Слава Коммунистической партии и Советскому правительству, создавшим все условия для развития и процветания науки!

С глубокой благодарностью и восхищением трудящиеся моей республики думают в эти дни о советских ученых, инженерах и рабочих, построивших корабль, послушный человеческой воле. Имя первого космонавта запечатлелось в наших сердцах. Величайшее торжество науки и светлого разума свершилось на нашей советской земле, и пусть недобрые люди, у которых руки чешутся обрушить на землю бедствия ядерной войны, знают, что все ключи могущества в наших руках. Мы призываем всех к миру и дружбе, к общим новым полетам, к мирному освоению космоса.

Первые подарки. Фото П. Барашева и В. Песнова

КОСМОС СТАЛ БЛИЖЕ И ТЕПЛЕЕ

Наши дети о космическом полете

СРАЗУ же, как только стало известно о первом полете человека в космос, широкие коридоры школы № 124 Фрунзенского района заполнились взбудораженными ребятами. Непосредственно, шумно выражали они свой восторг.

Но одно дело выразить свои первые впечатления, и совсем другое, когда перед тобой лежит лист чистой бумаги, на котором нужно записать свои мысли о первом космическом полете.

Просто и легко подошли к поставленной теме ребята младших классов.

«Вчера нам сказали на перемене, — делится своими впечатлениями ученица 5-го класса Наташа Будинская, — что летчик Гагарин на ракете полетел вокруг Земли. Я очень обрадовалась. Не одна я радовалась, вся наша школа и класс от возбуждения бегали по коридору, и на уроке нас еле-еле удалось успокоить. Когда после уроков я вышла из школы, то увидела, что все радуются».

«Я даже замерла от восторга, когда слушала по радио, что первым в мире полетел в космос советский человек»,—пишет ровесница Наташи Людмила Овидович.

Авторы постарше глубже оценивают значение героического полета в космос. По-своему, точно и волнующе высказывают свое ощущение начала новой эры восторженные поклонники Юрия Гагарина.

«Космос,—пишет Татьяна Вагонова, ученица 7-го класса.—Каким далеким и холодным было раньше это слово, а теперь оно стало не такое уж далекое, от него повеяло даже каким-то теплом. Когда я услышала, что запущен корабль с человеком в космос, я просто позавидовала Юрию Гагарину. Но вдруг меня испугало то, что там ведь темно и никого с ним нет. А потом я поняла, что рядом с Юрием Гагариным были сотни тысяч и миллионы людей, которые волновались за него и ждали благополучного его возвращения на Землю так же, как я».

«Вспомним первые полеты наших спутников,— делится своими мыслями восьмиклассница Лена Докшицкая.— Их робкое «бип-бип». Разве можно сравнить это с твердым голосом Гагарина, прозвучавшим из космоса?.. Трудно описать чувство, охватившее меня, когда я узнала о полете. Слово «Вселенная» было связано с представлением о бесконечности и вековечности, недоступных человеческому ощущению. Вчера еще мы думали как-то по-земному. Даже полет ракеты на Луну не приблизил нас к космосу, хотя в школах появились лунные глобусы, и Луна стала такой же привычной, как наша родная планета. А вот вчера человечество высоко поднялось и со стороны радостно, восхищенно оглянулось. Земля осталась далеко позади. И разум в течение нас теперь в тайнам далеких планет. Засыпая, мы думаем о них, а просыпаясь, слышим радиопередачи о космических кораблях. Скоро-скоро откроются звездные трассы. Пришло наше время. Мы будем покорителями космоса».

Многие сочинения заканчиваются стихотворениями. Они проникнуты оптимистическим убеждением, что им, юным, сидящим сегодня за партами, предстоит вслед за Юрием Гагариным прокладывать новые пути к далеким планетам.

Восьмиклассница Белозерова рисует картины ближайшего будущего:

«Космический музей. Все останавливаются у вымпела. Он привезен с Луны... Сказка?.. Это не сказка. Это будет, и будет скоро»...

А ее одноклассница Ирина Денисова назвала свое сочинение «Как я летела в космос».

«1970 год. Я лечу в космос. Мне не верится: я увижу далекие планеты и узнаю то, что волнует ученых... Ясное воскресное утро. Я поднимаюсь на борт корабля и окидываю взглядом площадь: все ликуют. До старта осталися считанные секунды. И вот ракета взвивается ввысь. Захватывает дух: лечу! Включаю телевизионную камеру, и меня обступает сказочный, загадочный мир. Небо серо-фиолетового цвета, на нем ослепительно сверкает Солнце. Все ближе звезды. И вот уже приближаемся к Луне. Она, как всегда, холодная, спокойная. Резкий толчок. Корабль на Луне. Выхожу и, о чудо, я чувствую себя легко, как птица. Но мне нельзя долго оставаться здесь. Мой маршрут далек — Марс. В путь! Звезды, звезды... Неожиданно раздается треск. Корабль потерял управление. К счастью, последствия удара легко устранить. И вот я на Марсе. Марсиане окружают мой корабль, кричат, машут руками. Но мне подходят, о чем-то спрашивают, но я настолько взволнована, что ничего не могу понять».

Первый человек, совершивший путешествие в космос, открыл новую эру покорения космоса, стал зовущим, ярким маяком этой эры. К яркому свету этого маяка тянутся горячие сердца детей нашего поколения, для которых космос стал «ближе и теплее».

Письма из педагогического института

2. УЧИТЕЛЬ ПРИШЕЛ В ШКОЛУ

И. МЕТТЕР

НЕДАВНО, в самый разгар недели детской книги, меня попросили выступить в одном из ленинградских домов культуры. Приехав к началу, я узнал, что вечер, на котором мне предстоит разговаривать с учениками, 9—10-х классов, посвящен теме: «В человеке все должно быть прекрасно». Узнал я также, что, помимо меня, в вечере примут участие: лектор-преподавательница литературы, модельер Дома моделей и артисты эстрады.

Зал был переполнен. Не обольщаюсь: молодых людей привлекли не мы. Еще в вестибюле я понял, что выступление будет трудным. Уж слишком нарядны были юноши и девушки, запах духов волнами вырывался из дверей - гардероба, под мышкой у каждой девушки был пакет, из которого, прорвав газету, торчали высокие острые каблуки. Для вечера на тему «В человеке все должно быть прекрасно» молодые люди были, пожалуй, чересчур прекрасно настроены. Когда лектор поднялась из-за стола и начала говорить, в зале стоял ровный, несильный гул голосов. На минуту этот гул стал потише, ребята прислушались к первому десятку фраз, а затем снова загудели, уже чуть погромче. Лектор продолжала говорить, изредка кашляя, в коротких паузах, нервно шепча мне и модельерше:

— Я не понимаю, что происходит...

— Это самая капризная публика — старшеклассники...

Старшеклассники, действительно, трудная публика. Но в данном случае они были не виноваты.

Вот из чего состояла лекция, которую сильным накатанным голосом произносила учительница литературы — член Общества по распространению политических и научных знаний.

Упомянув сперва, что понятие прекрасного в нашей стране не соответствует тому, что понималось под этим словом в Элладе, где главным образом ценились классические пропорции телосложения, учительница провозгласила основой прекрасного человеческую душу. В порядке иллюстрации и противопоставления древнегреческим образцам она рассказала, что на фабрике «Скороход» работает молодой обувщик, который за год внес четырнадцать рационализаторских предложений.

Из Дома культуры мы выходили с женщиной-лектором вместе. Она была очень смущена реакцией зала и несколько раз говорила:

— Вы подумайте, ведь я восемь лет читаю эту лекцию!..

Итак, все эти годы сотни раз она бойко произносила неизменный текст, отполирован его до того зловещего блеска, который бывает на лобных местах нашего педагогического сознания, что старшеклассники были «не очень внимательны» к такому лектору?

Встреча с лектором-учительницей вспомнилась мне вот почему.

В старших классах школы в последние годы рекомендуется давать учащимся сочинения на так называемые свободные темы. То, что я услышал в Доме культуры в виде лекции, мне уже приходилось читать в ученических тетрадках в виде сочинений.

Впрочем, «свободные» — относительно, ибо во многих учебно-методических изданиях и просто на листках, размноженных под копирку, учителям рекомендуются «примерные» свободные темы. А понятие «примерные» в педагогической практике на редкость быстро и незаметно переходит в «обязательные». И получается так, что если, скажем, в школах Куйбышевского района свободная тема: «Что я сегодня в свободную тему» «В человеке все должно быть прекрасно», то можно быть абсолютно уверенным, что в школах Октябрьского района либо писали это сочинение, либо будут писать завтра.

И это бы еще полбеды. Почему, собственно, хорошей теме не обойти несколько школ? Беда в другом. Сам выбор того, о чем должны писать школьники, заставляет насторожиться.

Среди рекомендованных свободных тем, к сожалению, вошедших в практику, есть, на мой взгляд, совершенно возмутительные. Например, широко дается для сочинений такая тема: «Мои достоинства и мои недостатки».

Причем воспитателям особо рекомендуется эта тема, ибо считается, что такое сочинение дает возможность молодому учителю быстро ознакомиться с учениками данного класса. Дескать, ребята сами в письменной форме расскажут о своих достоинствах и недостатках.

Хотелось бы спросить у человека, придумавшего эту свободную тему: как вы себе представляете, что должен написать молодой человек в таком сочинении?

«У меня, у Володи Потапова, есть нижеследующие достоинства: я умен, добр, честен, люблю выручать товарищ в беде. Я скромен, беззаветно преданн Родине...»

Или иначе:

«У меня, у Юрки Кондрашева, есть ужасный недостаток, от которого я обещаю избавиться: я невежественный, грубый, ограниченный человек...»

Разобраться в себе и написать честно о своих достоинствах и недостатках иной раз не под силу и совершенно взрослому товарищу, а не то чтобы ребятам. Доверие молодых людей учитель должен заслужить. С какой, собственно, стати юноша или девушка обязаны в порядке выполнения домашнего урока раскрывать тайники своей души?

Другая рекомендованная свободная тема еще более беспардонна: «Мой личный дневник за прошедшую неделю».

Почему-то предполагается, что молодой человек 16—17 лет охотно разобьет всему классу все, что он делал в течение недели. А если, представьте себе, он был в субботу на свидании с девушкой? И в воскресенье, и в понедельник — всю неделю подряд — он ни о чем, кроме этой девушки, подумать не мог, все валилось у него из рук?

Почему, на каком основании можно требовать от молодежи такой повальной душевной откровенности? Я бы даже сказал, что человек, посвящающий вас ни с того ни с сего в интимные стороны своей жизни или своей натуры, очень часто вызывает у вас чувство брезгливости. Гораздо естественнее, по-моему, воспитывать в ребятах душевную сдержанность, неприязнь к кокетству, которые обычно встречаются в дневниках.

Такого же неприятного типа и третья свободная тема: «Мои родители».

Опять-таки, имеется в виду, что ребята почему-то станут вводить учителя (а значит, и весь класс, ибо сочинение — не секретный документ) в курс семейной жизни своих родителей?

Каждый хороший воспитатель знает, каких невероятных трудов и наконец искусства стоит ему расположить к себе ребят до такой степени, чтобы они почувствовали душевную потребность быть совершенно откровенными с ним. А тут, видите ли, за здорово живешь, класс кинется исповедоваться учителю литературы.

А ведь в пединституте широко рекомендуются вниманию студентов все перечисленные мной свободные темы.

ДЛЯ молодого учителя самым трудным на первых порах (да и только ли на первых порах и только ли для молодого?) оказывается не изложение своего предмета на уроке, а воспитательная работа. И знаю, что правильно было бы не делить сущность учительского труда на две части: преподавание и воспитание. У очень хороших учителей обе эти части слиты воедино, и настолько плотно слиты, что незаметно, как говорится, никаких швов.

Достигнуть такого органического слияния совсем нелегко, но стремиться к нему необходимо и обучать этому единству студентов надо во что бы то ни стало. Я думаю, что никакие самые сверхкрупные теоретизирования в этой области не заменят будущим учителям главного — практики.

Как можно раньше и как можно больше студенты педагогического вуза должны жить практической жизнью школы, должны повседневно общаться и с детьми, и с опытными учителями.

Замечу, кстати, что студент пединститута — существо «обнадоженное»: он отлично помнит себя школьником и уже чувствует себя учителем. Многие недвузовцы рассказывали мне, как помогали им их эмоциональная память, их ребячий опыт школьников.

Стремление увеличить весомость студенческой практики, безусловно, возросло за последние годы и особенно со времени принятия нового закона о связи школы с жизнью. Сейчас практика начинается, по существу, с первого курса. На последних курсах количество часов, отведенных на практику, значительно увеличилось. Старшекурсники проводят в школе три месяца в году.

Однако каждому здравомыслящему человеку понятно, что само арифметическое увеличение практических часов еще не обеспечивает успеха дела. Главное-то ведь все-таки заключается в умном, деловом анализе этой практики.

Обучение в процессе студенческой практики — вот главное.

Если, скажем, раньше студент пятого курса давал в школе семь уроков, а сейчас дает двадцать, то это еще совсем не значит, что учительское его умение непременно возрастет. Если не окажется рядом с ним хорошего педагога или толкового методиста, которые сумели бы проанализировать уроки студента, — его промахи и ошибки, неизбежные на первых порах, лишь умножатся.

Ведь и так может обернуться дело?

Значит, давайте разберемся, что же у нас происходит.

Откровенно говоря, в школах не очень любят практикантов. Я имею в виду не школьников. Ребята-то как раз довольно трогательно относятся к студентам, дающим уроки. Сидел я как-то на таком уроке математики в восьмом классе. Практикант не успел калькулять материал в положенные сорок пять минут — звонок на перемену застал его врасплох. Юноша был до такой степени взволнован, что на доске, где он наспех «добивал» задачу, оставались мокрые пятна от его ладоней. И отутюженные, вероятно, под матрацем брюки были все в мелу.

Я вышел из дверей класса вместе с пожилым школьным учителем, руководившим практикой этого неопытного еще, растерявшегося юноши. Вместе с нами, окружив нас плотным кольцом, как это умеют делать только взволнованные чем-нибудь ребята, двигались по коридору восьмиклассники. На разные голоса они умоляли своего пожилого учителя:

— Николай Александрович, честное слово, мы хорошо поняли то, что он объяснял!..

Школьники, повторяю, относятся к практикантам вполне сочувственно. Гораздо сложнее и труднее складываются отношения у студентов-практикантов со школьным учителем.

ДАЛЕКО не все школьные преподаватели хорошо относятся к подвузовцам. «Возни с этими практикантами хватает, — рассуждает учитель. — Часы на преподавание моего предмета расходует студент, а за успеваемость класса спрос с меня».

А раз так, не лучше ли вообще отказаться от руководства практикой студентов? А отказываться учитель имеет право. И этим правом многие хорошие учителя довольно широко пользуются. И тогда получается, что солидное количество студентов пединститута в самый ответственный период их обучения попадает в руки первых попавшихся учителей. Что же касается институтского методиста—руководителя практики, то под крылом такого методиста обычно кутится до сорока студентов! Цифра совершенно анекдотическая.

Мыслимое ли дело, бывать на уроках и умно анализировать уроки сорока молодых людей, разбросанных по разным районам!

Теперь представьте себе участь студента, попавшего на трехмесячную практику к школьному учителю, так сказать, тусклому, совсем неинтересному. В этом случае (увы, довольно частом) вряд ли практика окажется эффективной.

Практика студентов пединститута должна быть построена так, чтобы они проходили ее у лучших учителей. Этих лучших педагогов надо убедить и заинтересовать, — морально, материально, как только возможно, ибо от них во многом зависит «селекция» молодого учительства. У нас много отличных педагогов-практиков, бесценный опыт которых следует собирать по крупицам, как чистое золото.

Какое удовольствие испытываешь, когда встречаешься с живым, умным учителем, мастером, артистом своего дела! А ведь нарочно употребил это слово: артист. Антон Семенович Макаренко считал, что хороший учитель всегда немного и артист.

ПОМИМО собственных наблюдений и мыслей, которыми я хотел поделиться в этих двух своих письмах, меня еще интересовало, — как бы это поточнее выразиться? — ну, может быть, душевное состояние молодого человека, работающего первый год учителем в школе.

Пять лет он нетерпеливо ждал, когда же, наконец, он станет самостоятельным. И вот долгожданная свобода пришла. Вчерашний, чуточку легкомысленный студент явился сегодня в школу солидным учителем. То есть он еще не солидный, но изо всех сонх пылпячых сил старается быть солидным. Все оказалось не так, как он предполагал: кое-что не так просто, а кое-что и не так сложно.

Самое, пожалуй, трудное — первый год работы. В институте была все-таки всегда рядом стенка, вдоль которой он шел; пошатнувшись, он тотчас ощущал ее плечом или локтем. Сейчас иногда приходится балансировать в одиночестве.

Сколько раз в течение этого первого года клял он себя за то, что беззаботно относился к своему будущему делу! И сколько раз поминал он то добрым, то недобрым словом своих институтских наставников!

Все, что в процессе студенческого обучения представлялось ничего не значащим пустяком, о чем думалось: поскорее бы мимо, мимо, — сейчас вдруг иногда разверзалось у самых ног трещиной, через которую надо прыгать без тренировки.

Разговаривая с учителями-первогодками, я пытался понять: какие недостатки они ощущают теперь в той подготовке, которую получили в педагогическом институте? Чего не хватает им для того, чтобы отлично работать в нынешних школах нового типа?

С этими своими вопросами я обращался не к случайным молодым учителям и не тогчас после знакомства с ними, а только когда убеждался, что имею дело с учителем, который любит школу и хочет быть полезен ей.

В их сетованиях было и нечто общее (я постарался отразить это в своих письмах), и, естественно, они разделились по специальностям: один претензии, скажем, у словесников, другие — у физиков или химиков.

О работе учителей русского языка и литературы написано за последнее время много справедливого, мудрого и горького.

Мне хотелось бы добавить к тому, что сказано, одно соображение общего характера.

Очень невысокий уровень преподавания литературы привел к тому, что этот предмет утерял свое былое значение свою былую роль и в пединституте и именно поэтому — в школе. Тот «перекос», который наблюдается у молодежи в сторону точных наук, объясняется, по-моему, не столько великолепными успехами точной науки, сколько тем многочисленными шатаниями, шараханьем и примитивностью, которым мы попустительствовали, а иногда и насаждали в преподавании литературы.

Всегда было так, что талантливый учитель литературы — будь то в институте или в школе — превращался во властителя дум молодежи. А по нынешним действенным временам власть тель дум — это властитель жизненных поступков. Вот на что надо равняться, когда мы говорим о повышении роли учебного «предмета» — литературы и о качестве его преподавания. Пожалуй, ни через один предмет нельзя так глубоко и тонко воспитать ребят, как через литературу.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ — о «частных» сетованиях физиков и химиков.

Казалось бы, принятие нового закона о связи школы с жизнью прежде всего и сильнее всего должно было отразиться на подготовке учителей физики и химии. Эти дисциплины вместе с тем тесно связаны с требованиями жизни, нежели, скажем, любую гуманитарную науку.

Большая работа в этом направлении ведется. Сам по себе курс физики или химии приближен к тому, что делается в сегодняшней современной науке и в нашей действительности. Но, как ни странно, в подготовке учителей этих предметов упущены элементарные вещи. Из педагогического института выходит учитель физики, почти не умеющий работать с современными приборами. Молодые преподаватели физики и химии жалуются:

— Мы ничего не умеем делать своими собственными руками. Мы не умеем паять. Мы не умеем обращаться с простой рацией, с магнитофоном. Нам очень нужно для практической работы в школе умение пользоваться кинопередвижкой. Физик должен выходить из пединститута, положив в карман звание киномеханика. Без этого знания нам вообще не доверяют демонстрацию учебного фильма.

В сельских школах далеко не всегда будут под боком все необходимые приборы. Значит, тем более, студенты должны еще в институте приобрести необходимые «ручные» навыки для моделирования и конструирования приборов, для изготовления самоделок и решения практических задач.

О какой политехнизации школы может идти речь, если учитель физики или химии сам элементарно ремесленно беспомощен? И какими глазами приходится ему смотреть на некоторых ребят, руки которых несравненно более умелые, нежели у него, у учителя?

Устранить эти «частные» недостатки не так уж сложно. Может, для этого не следует забираться в далекие и высокие эмпирии: не следует, может, так увлекаться тем, что, по нашим расчетам, наступит в школе через десять-пятнадцать лет.

Вероятно, гораздо разумнее и хозяйственнее посмотреть пристально вокруг, под ноги и сделать честные выводы из того, что у нас есть сегодня.

Окончание. Начало см. «Литературную газету» № 44 от 11 апреля 1961 г.

ВЕЧЕРА ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 40-летию Советской Грузии Союз писателей СССР и Союз писателей Грузинской ССР проводят в Москве вечера грузинской литературы. В этих вечерах примут участие И. Абашидзе, Г. Абашидзе, И. Андроников, Э. Ананишвили, А. Белиашвили, Х. Берулава, А. Гомиашвили, Б. Жгенти, А. Каландазе, К. Каладзе, М. Квливидзе, К. Лордкипанидзе, М. Мачавариани, Р. Маргиани, А. Мирцхулава, М. Мревлишвили, И. Нонешвили, О. Чиладзе, С. Чиковани, С. Чилая, Г. Шатберашвили.

В минувшее воскресенье под председательством Н. Тихонова в Центральном Доме литераторов состоялся первый литературный вечер. Вступительное слово произнес Б. Жгенти. С чтением своих произведений выступили грузинские поэты. Стихи грузинских авторов прозвучали в исполнении русских поэтов-переводчиков.

Грузинские гости побывали в цехах завода «Динамо», где состоялись теплые встречи с работниками этого столичного предприятия. Сегодня представители братской грузинской литературы выступают в Доме дружбы с народами зарубежных стран.

Ираклий АНДРОНИКОВ

СЛОВО НАПИСАННОЕ И СКАЗАННОЕ

разумная у телевизора

1.

На недавнем совещании по вопросам репортажа на радио и телевидении было высказано много верных соображений; определялись достоинства репортажа: содержательность, эмоциональность, конкретность в изображении события, заинтересованное отношение к нему репортера, сюжет. Наконец, качество, в очень большой мере определяющее достоинство репортажа, — «эффект присутствия». Но все эти признаки когда-то любого вида репортерской работы и не объясняют, что отличает репортаж, звучащий в эфире, от напечатанного в газете.

Устная речь отличается выразительным, живым. Иные слова даже и не скажешь без помощи жеста. Попробуйте пояснить слова «идите туда», не указав пальцем или движением головы, куда именно следует отправляться. И еще не сказал о мимике, которая подчеркивает и усиливает действие произнесенного слова. Все поведение говорящего человека — паузы в речи, неловкие обрывистые фразы, улыбка, смех, удивленные жесты, нахмуренные брови — все это расширяет емкость звучащего слова, выявляются все новые и новые смысловые резервы, речь делается необычайно доступной, наглядной, выразительной, эмоциональной. Вот выяснится, что я хотел сказать, если расскажу «Ревизора», «Женитьбу», «Мертвые души», — тут Гоголь уж просто дал полный простор устной языковой стихии. Вот уж где речь каждого представлена со всеми интонационными тонкостями, да так, что человек солидный и читающий обычно про себя и притом с выражением лица самым серьезным и необыкновенно быстро, и тот, перелистывая одноотомник Гоголя, остановится и, оборотясь к жене своей или к другой, случившейся в комнате особе, воскликнет со смехом: «А ну, послушай на разговор Чичикова с Ноздревым, когда тот приехал к нему в трактир! Что за язык! Как живые!» И начнет читать вслух на разные голоса, да так, будто специально обучался художественному чтению.

Разговоры, в которых, по выражению Лермонтова, «значение звуков заменяет и дополняет значение слов» и которые без интонаций, по его мнению, «не имеют смысла», Гоголю удается

(Продолжение на 4-й стр.)

дитория перед вами, вам легче построить речь, урок, лекцию. От слушателей зависит характер и структура вашей речи, ваш «тон». Вам ясно, как и что сказать этой аудитории. И ей легко слушать вас, потому что вы приспособляетесь к ней — к аудитории, а не она к вам. Если же вы начнете читать, вы адресуетесь уже не к ней, а к некоему воображаемому читателю. И выступаете как исполнитель собственного текста. А если вы не владеете в полной мере этим трудным искусством, то и читать будете невыразительно, однообразно и аудитория будет слушать уже не живую речь, а механическое воспроизведение написанного.

Устная речь сопровождается выразительным лицом. Иные слова даже и не скажешь без помощи жеста. Попробуйте пояснить слова «идите туда», не указав пальцем или движением головы, куда именно следует отправляться. И еще не сказал о мимике, которая подчеркивает и усиливает действие произнесенного слова. Все поведение говорящего человека — паузы в речи, неловкие обрывистые фразы, улыбка, смех, удивленные жесты, нахмуренные брови — все это расширяет емкость звучащего слова, выявляются все новые и новые смысловые резервы, речь делается необычайно доступной, наглядной, выразительной, эмоциональной. Вот выяснится, что я хотел сказать, если расскажу «Ревизора», «Женитьбу», «Мертвые души», — тут Гоголь уж просто дал полный простор устной языковой стихии. Вот уж где речь каждого представлена со всеми интонационными тонкостями, да так, что человек солидный и читающий обычно про себя и притом с выражением лица самым серьезным и необыкновенно быстро, и тот, перелистывая одноотомник Гоголя, остановится и, оборотясь к жене своей или к другой, случившейся в комнате особе, воскликнет со смехом: «А ну, послушай на разговор Чичикова с Ноздревым, когда тот приехал к нему в трактир! Что за язык! Как живые!» И начнет читать вслух на разные голоса, да так, будто специально обучался художественному чтению.

Разговоры, в которых, по выражению Лермонтова, «значение звуков заменяет и дополняет значение слов» и которые без интонаций, по его мнению, «не имеют смысла», Гоголю удается зительные возможности, которыми письменные жанры литературы не обладают.

2.

— Позвольте, — возразите вы мне, — а как же художественная литература? Разве она не передает интонаций в речи действующих лиц или в тех произведениях, где автор использует «сказ» — манеру устного повествования? Разве, читая «Мертвые души», «Войну и мир», рассказы Чехова, Горького, Бабеля, мы воспринимаем текст без интонаций? Ведь интонации в этих произведениях переданы не только в прямой речи действующих лиц, но и в авторских ремарках, поясняющих, как сказал герой ту или иную фразу, сопроводил ли ее улыбкой или пожатием плеч, или произнес, махнув безнадежно рукой, или удивленно подняв брови, или, наоборот, их насупив. Каждый автор по-своему воспроизводит интонации своих героев, но при этом каждый отбирает самое характерное в разговорной речи своего времени.

Справедливо! Надо четко отграничить письменную речь вообще от речи художественной.

Русская литература и в драматических диалогах, и в повествовательной прозе, и в стихе с необыкновенным искусством и полнотой отразила интонационное богатство живого народного языка. Возьмем Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки» писаны от лица пасечника Рудого Панька со всеми характерными особенностями его устной речи. Пасечник в свою очередь пересказывает нам речи и Черевика, и головы, и Каленика, и Солохи... Интонации устной речи, можно сказать, цветут и в диалоге, и в повествовании. А если раскрыть «Ревизора», «Женитьбу», «Мертвые души», — тут Гоголь уж просто дал полный простор устной языковой стихии. Вот уж где речь каждого представлена со всеми интонационными тонкостями, да так, что человек солидный и читающий обычно про себя и притом с выражением лица самым серьезным и необыкновенно быстро, и тот, перелистывая одноотомник Гоголя, остановится и, оборотясь к жене своей или к другой, случившейся в комнате особе, воскликнет со смехом: «А ну, послушай на разговор Чичикова с Ноздревым, когда тот приехал к нему в трактир! Что за язык! Как живые!» И начнет читать вслух на разные голоса, да так, будто специально обучался художественному чтению.

В произведениях, в которых, по выражению Лермонтова, «значение звуков заменяет и дополняет значение слов» и которые без интонаций, по его мнению, «не имеют смысла», Гоголю удается

(Продолжение на 4-й стр.)

В МОСКВЕ ОТКРЫТА ВЫСТАВКА акварелей художников Латвийской ССР. Сегодня мы публикуем несколько работ латвийских художников.

Слева — «Весна в порту» О. Урбана, справа — «Старая дорога в колхозе» З. Романс, внизу — «Старая Рига» С. Гельберга.

Гости Азербайджана

17 апреля в Азербайджана открылась Неделя литературы РСФСР.

В гостях у азербайджанских писателей их собратья по перу из Москвы, автономных республик и городов Российской Федерации: Г. Марков, С. Васильев, С. Орлов, Е. Долматовский, А. Штейн, В. Друзин, Р. Рождественский, Кайсын Кулиев, А. Смердов, Мустай Карим, Л. Татьяничева, А. Тимонин.

Накануне открытия недели ее участники посетили Сумгаит. Первый секретарь Сумгаитского горкома партии Ф. Алиев рассказал гостям об истории и перспективах развития этого молодого индустриального центра, познакомил с его достопримечательностями. Затем во Дворце культуры, носящем имя народного поэта Азербайджана Самеда Вургуна, писатели встретились с металлургами, химиками, строителями. Вечером в Баку состоялась встреча с молодежью, организованная ЦК ЛКСМ Азербайджана.

В течение семи дней литераторы Российской Федерации будут знакомиться с жизнью республики, ее людьми, с их замечательными делами. Они придут к прославленным морским нефтяникам на Нефтяные Камни, встретятся с рабочими, тружениками сельского хозяйства, воинами Советской Армии. В интересной, насыщенной программе недели — поездки в города Кировабад и Мингечаур, к садоводам Кубинского района, к чаеводам Ленкорани.

Вместе с азербайджанскими писателями участники недели проведут литературные вечера и читательские конференции, выступят по радио и телевидению.

К Неделе литературы РСФСР в местном издательстве вышел большой стихотворный сборник «Друзья весны». В него вошли стихи поэтов Российской Федерации, переведенные на азербайджанский язык.

Ю. ДАШЕВСКИЙ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

БАКУ

Памяти Д. И. Гулиа

Исполнилась первая годовщина со дня смерти народного поэта Абхазии Дмитрия Иосифовича Гулиа.

На его могилу, которая находится в центре Сухуми, пришли с цветами писатели, художники, артисты, научные работники, педагоги, студенты, школьники.

В Клубе писателей Абхазии состоялся вечер памяти поэта. Его открыл вступительным словом председатель Союза писателей Абхазии И. Тарба. Доклад о жизни и творчестве Д. И. Гулиа сделал критик Ш. Инал-ипа. На вечере с воспоминаниями выступили писатели Ш. Акобия, С. Сангулиа. Стихи, посвященные народному поэту, прочли Д. Адзинджа, Д. Гитлебер, Б. Гургулия, В. Саблин. В конце вечера был показан киножурнал о Д. И. Гулиа, заснятый художником И. Шенгелая.

В эти дни в Гослитиздате впервые отдельной книгой вышел в серии «Библиотека советской прозы» роман Д. Гулиа «Камачич». Этот роман, действие которого происходит в дореволюционное время, посвящен жизни абхазской женщины. Роман перевел на русский язык А. Дроздов, послесловие к нему написал К. Симонов.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» В ДОМЕ УЧИТЕЛЯ

В Московском городском Доме учителя на днях прошел устный выпуск «Литературной газеты». В нем приняли участие члены редколлегии, сотрудники редакции, писатели Н. Атаров, А. Васильев, Ф. Вигдорова, Б. Заходер, В. Косолапов, Ф. Кузнецов, М. Львов, С. Смирнитский. Они поделились своими творческими планами, говорили о задачах коммунистического воспитания, о проблемах педагогики.

Встреча учителей с сотрудниками и авторским коллективом редакции продолжает традиционные связи «Литературной газеты» с советским учительством.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

М. КУЗНЕЦОВ

До чего же хорошо это чувство радостно. Это изумление, благодарность, внезапно возникшей смешанная, когда, прочти еще только первую страницу незнакомой книги, ты сразу убежденно и уверенно произносишь: «Талантливо!» А затем — движешься по страницам, и за каждым поворотом тебя ждет неожиданное. Как при этом не вспомнить слова одного из литературных корифеев: «Искусство, это в сотый раз видеть по-новому то, что до тебя видели другие».

Проверим. Первая страница «Ледовой книги» Юхана Смула:

«Час назад умер моя жена.

Перед тем как расстаться, мы сидели в каюте, забитой до отказа багажом, принадлежащим мне и моему спутнику, синоптику Васюкову, — передвигаться и даже сидеть здесь было не так-то просто. Поскольку жена провожала меня целых полтора месяца (по первоначальным данным «Кооперация» полагалось отбыть 17 сентября), мы уже обо всем переговорили».

Только мы с вами настроились на грустную сцену прощания, как весь минор мгновенно испарился, и уже улыбаешься, ибо какие же это чувствительные прощания, если откладывают ежегодный полтора месяца! А на следующей странице не только улыбнешься, но и рассмеешься и даже чертыхнешься, когда прочтешь, как в последние часы пребывания автора с женой в гостинице к ним в номер вломилась комиссия из пяти административных дам, нагавшая (неаккуратно, своевременно и тактично!) весьма продолжительную во времени инвентаризацию всех предметов — от кроватей и графинов до «предметов искусства»...

И вот с первых страниц вы с наслаждением подчиняешь, или, как это благородно писалось в старых романах, отдаешь во власть правительней эмоциональной повествования. Она подкупает каким-то хитроватым простодушием и непритязательностью, подчас суховатой деловитостью, а нередко — обаятельной лиричностью, а главное, чудесным, неприкрытым малейшей «натуги», неприукрашенным юмором.

С авторским юмором читатель сразу находит контакт, подобно тому, как зритель в театре сразу же проникается доверием к симпатичному комическому персонажу спектакля и с нетерпением ждет, когда тот снова появится на сцене. Так и здесь: после самых серьезных, даже патетических страниц тебя не покидает предчувствие близкой улыбки автора.

Авторская интонация, манера повествования (и как характерная ее составная — юмор) очень существенны в «Ледовой книге». Эта интонация создает «музыку» книги, она очень важна для понимания «многомерности» этого произведения. И хотя «Ледовая книга» носит сугубо деловой и конкретный подзаголовок «Антарктический путевой дневник», она менее всего принадлежит к типу чисто описательных книг, авторы которых стремятся только «отобразить» виденное.

Об Антарктиде в прошлые годы хотя и недостаточно, но все же писали у нас. Однако в лучшем случае мы получали полезные информации. «Ледовая книга» обладает всеми качествами достоверного документа: она начинается наточнейшей датой — 30 октября 1957 года и кончается же точно — 17 апреля 1958 года. В ней действуют реальные люди с их именами и биографиями. Это журналистика? Да! Но самого высокого класса, когда перед нами журналист и художник. И в результате получилось произведение большого искусства, книга-размышление, своеобразнейший роман-очерк... Наконец это еще произведение той самой лирической прозы, что представлена и «Дневными звездами» О. Берггольц, и «Каплей росы» В. Солоухина...

Свою позицию художника Юхан Смуул формулирует в книге весьма определенно. Он решительно высказывается против описательности и иллюстративности: «Я далек от того, чтоб объединиться с теми враждебными социалистическому реализму людьми, которые все советское изобразительное искусство подводят под один знаменатель «формализма». Но нельзя отрицать, что за последние годы мы видели на выставках очень много картин, похожих друг на друга, исчерпывающих друг друга и являющихся в лучшем случае бледной фиксацией какого-нибудь застывшего момента нашей стремительной жизни. В этих произведениях нет ни вчерашнего, ни завтрашнего. Они до того описательны, что полностью освобождают нас от всякой необходимости думать. Но, по-моему, истинно художественное воздействие хорошей живописи, как и хорошей литературы, начинается тогда, когда мы отходим от полотна или откладываем книгу и задумываемся над тем, что они нам сказали. Отсутствие вопроса, неспособность произведения породить его — признак бедности. Кто он, Григорий Мелехов, бандит, убийца или несчастный трагический герой? Была ли Аксинья лишь исключительной женщиной или любящей душой, масштаба Клеопатры? Об этом ежедневно спорят и думают тысячи людей. Но о многих картинах мы не думаем и не спорим: манная каша — это манная каша, вещь питательная и скучная».

«Ледовая книга» заставляет задуматься над многим, ибо мысль — едва ли не главный герой повествования. Ведь есть книги (и не скучные!), словно бы написанные меловыми красками: пока читаешь, пока краски мокры — все кажется сочным и ярким. Но чуть краски пообсохли, как все поужухло, и перечитывать такие произведения просто противопоказано — так и лезет в глаза «иней» штампа, на которую они сметаны. А есть книги, перечитывая которые, всякий раз открываешь что-то новое. Такова «Ледовая книга».

С точки зрения, так сказать, школьного анализа, в книге Ю. Смуула несколько затруднительно найти «главных героев». Синоптик Васюков? Начальник экспедиции Толстиков? Или его предшественник Трешников? Или начальник «Комсомольской» Фокин? И да, и нет. Да, потому что мы их видим, чувствуем, им посвящены одни из лучших страниц. Нет, потому что сказано о них весьма скупо и появляются они лишь на какой-то момент, а потом исчезают, ибо автор все время вынужден расставаться с героями. Примечательно иное — о советских людях, покоряющих Антарктиду, об этих мужественных, красивых от загара и жгучих ветров, сильных людях Юхан Смуул пишет с какой-то изящной мягкостью, без всякой назойливости, категоричности взглядов... Автор заметил однажды, что не любит «тех писателей, которые допрашивают своих будущих и заведомо неудачных героев совершенно по-прокурорски, а то и по-сыщицки, полагая, что раскрыть природу человека так же легко, как кухонный шкаф».

Смуул никогда не позволит себе «прокурорского» тона. Пытливо вглядывается он в своих товарищей, стремясь не к заранее известному ответу, а к открытию истины — «каков он сегодня, настоящий советский человек?»

И хотя встречи быстротечны и автор не «лезет в душу» своим собеседникам, даже, наоборот, как-то по-чеховски вежлив и, может быть, застенчив, — мы получаем удивительно достоверные портреты. Нет, будем точны — как живые, а притом — с выражением лица самым серьезным и необыкновенно быстро, и тот, перелистывая одноотомник Гоголя, остановится и, оборотясь к жене своей или к другой, случившейся в комнате особе, воскликнет со смехом: «А ну, послушай на разговор Чичикова с Ноздревым, когда тот приехал к нему в трактир! Что за язык! Как живые!» И начнет читать вслух на разные голоса, да так, будто специально обучался художественному чтению.

Разговоры, в которых, по выражению Лермонтова, «значение звуков заменяет и дополняет значение слов» и которые без интонаций, по его мнению, «не имеют смысла», Гоголю удается

(Продолжение на 4-й стр.)

полусерьезному спору в каюте-компании «Мирного»:

— Вот ты, Юрьевич, — говорит Васюков, — не любишь высшую математику. И в плохую погоду поносишь метеорологию. А ведь только в науке и есть настоящая поэзия. Знаешь, кто величайший поэт двадцатого века?

— Так сразу не скажешь.

— Альберт Эйнштейн. — говорит Васюков, и он прав».

Главная тема размышлений Ю. Смуула — это место писателя в сегодняшней жизни наших людей. В кровном родстве со своими героями рождаются «внутренние резервы» творчества, рождается высшая сила художника...

«Пройдет год-два. И однажды наступит тот грустный день, когда у тебя не будет радиться работа, когда на душе станет пасмурно и тоскливо. И тогда вдруг перед твоими глазами возникнет камбуз Комсомольской со своими нарами, медными кастрюлями, дымящимся кофейником, сонойным освещением и этими четырьмя парнями вокруг стола. Ты увидишь задумчивую улыбку Фокина, увидишь Морозова, этого гиганта с детским голосом и замасленными руками, для которого этот дом кажется слишком маленьким, увидишь юное лицо Иванова и, наконец, увидишь Сорокина, который, став у стола, размахивает ножом и спрашивает, правда ли, что у него фигура Ива Монтана. И удовлетворение на его лице после того, как ему ответят, что он скорее коротенький и толстый, как Наполеон.

Я знаю, что увижу их не такими, как сейчас, и все же это будут все те же сильные люди среди белых снегов, которые прикажут мне по тому же праву, по какому распоряжаются писателем его внутренние резервы.

— Не пищать! Долг есть долг!»

Это как бы квинтэссенция «Ледовой книги».

Под конец мы должны сказать, что в книге есть еще один герой, это характер страстный, партийный, влюбленный в нашу советскую действительность, очень современный, умный и прямой. Герой этот — сам автор. Потому-то так важны и интонация книги, и вся повествовательная манера, и тот мужественный юмор, которым иной раз прикрывает автор свою лирическую взволнованность. А главное — этот характер заражает нас пытливостью, непоколебимым, предельно честными поисками истины, на всех страницах бьется живая и острая мысль, она просвечивает всюду, своим светом окрашивает все произведение.

СМОТР КРИТИЧЕСКИХ СИЛ

В комиссии по критике и печати Союза писателей РСФСР состоялось совещание, посвященное подготовке к XXII съезду КПСС. Отмечая консолидацию критических сил на принципиальной, партийной основе, плодотворность дискуссий и споров о явлениях и процессах, происходящих в последнее время в литературе, доклады Л. Яниченко вскрыли требующий глубокой разработки вопрос об эстетическом идеале, герое и идейной позиции писателя. Критика должна быть боевой, публицистической, действенной, сказал Л. Яниченко, а для этого мы обязаны в наших статьях эстетический разбор литературных явлений основывать на глубоком социальном анализе.

Г. Бровман и Б. Бурсов рассказали о работе московской и ленинградской секций критики, В. Дементьев и Д. Стариков поделились творческими планами редколлегий журнала «Октябрь» и газеты «Литература и жизнь». С сообщениями о работе за 1960—1961 гг. выступили заведующие критическими отделами журналов «Нева» (А. Хватов), «Дон» (Ф. Чапчахов), «Урал» (Н. Полознова).

Обсуждение показало, что в центре внимания критических отделов этих журналов прочно встала современная тема, что в прозе и областях работает много интересных критиков.

Выступавшие говорили, однако, о неизжитых еще тенденциях местничества. Это и ограничение круга вопросов географическими рамками, что характерно для журналов «Урал» и «Дон», и привычка взвешивать работу литераторов «на местных весах», и отсутствие творческой переписки журналов.

— Важно, — сказала Е. Книпович, — чтобы критики руководствовались в своей работе поисками истины, а не сведением личных счетов.

Выступавшие говорили о передержках и искажениях, которые допускались в отдельных статьях, публиковавшихся в журнале «Нева».

— Неправ был заведующий отделом критики «Невы» А. Хватов, считающий активом журнала статью В. Архипова «Программный документ», — сказал в заключительном слове Л. Яниченко, — и ней важнейшие положения используются для грубых нападок и наскоков. Это противоречит задачам и целям критики, другу нашего собрания, показавшего общую заинтересованность в высоком расцвете единой и большой советской литературы.

В прениях выступили В. Панов, Е. Аксенова, З. Паперный, И. Гринберг, П. Куприяновский, А. Абрамов, В. Гура, Н. Калитин, В. Галанов, Л. Громов, В. Чалмаев и М. Лобанов.

СВОБОДА КУБЫ В УГРОЗЕ

Тщательно подготовленное в Соединенных Штатах вторжение на Кубу началось. Прелюдией к этому новому преступлению американского империализма была варварская бомбардировка кубинских городов утром 13 апреля. «Это была вполне коварная атака без предупреждения, к которым обычно прибегали фашисты и нацисты», заявил Фидель Кастро на похоронах кубинцев, погибших в результате этой бомбардировки.

Через два дня началось вторжение на Кубу. Поступившими сегодня в начале интервенции, по словам Юнайтед Пресс Интернейшнл, было переданное тайной радиостанцией стихотворение, где говорилось о радуге, рыбе, небе и мальчике. Вторжение, как указывает ЮПИ, произошло «в нескольких пунктах на берегу залива в южной части провинции Матанзас», а также в провинции Ориенте.

Прошло всего несколько дней после того, как президент США Кеннеди заверил мировую общественность в том, что правительство США не допустит организации нападения на Кубу с территории Соединенных Штатов. Почему же оно не помешало актам агрессии? Ответ содержится в статье, опубликованной в «Нью-Йорк таймс». Корреспондент этой газеты Тад Шулц писал: «Лидеры кубинских мятежников во Флориде не считают, что то, что президент Кеннеди против вторжения Соединенных Штатов, направленного против премьера Фиделя Кастро, повлияет на их военные приготовления к США. Эти приготовления ускоряются с каждым днем. На Кубу направляются одиночные и группы диверсантов с поставками оружия и взрывчатые вещества для антикастровского подпольного движения».

Не для того ли делаю заявление американского президента, чтобы дезориентировать мировую общественность, ослабить бдительность кубинского народа и его друзья?

Не надо, однако, забывать, что Куба сейчас не одинока, что у Кубы в мире много друзей, готовых в случае необходимости оказать ей помощь.

Сегодня мы публикуем статью американского писателя Карла Марзани, в которой рассказывается о том, как в США велась подготовка к агрессии против Кубы.

☆ ☆ ☆

Карл МАРЗАНИ,
американский писатель

В ПРОДОЛЖЕНИЕ последних трех недель американские реакционеры и пресса Соединенных Штатов ведут совершенно ясными указаниями такую интенсивную и яростную кампанию против Кубы, что ее нельзя расценить иначе, как прелюдию к вторжению. Газеты с непревзойденным цинизмом публикуют подробные отчеты о том, как Центральное разведывательное управление США снабжает кубинских контрреволюционеров оружием, сбрасываемым с самолетов, обучает и вооружает около пяти тысяч наемников и кубинцев — противников Кастро, используя базы во Флориде и в Гватемале. Сообщают, что совет национальной безопасности США приказал Аллену Даллесу, руководителю Центрального разведывательного управления, провести операцию «по образцу Гватемалы», то есть тем же способом, которым США применили в 1954 году для свержения законного гватемальского правительства президента Арбенса. Одна газета даже похвасталась тем, что Центральное разведывательное управление вступило в контакт с военным руководителем контрреволюционных банд Мануэлем Артиме и «обхаживает» его, проча ему такую же роль, какую сыграл в 1954 году в Гватемале Кастильо Армас.

В качестве застрельщика этой антикубинской кампании выступила газета «Нью-Йорк геральд трибюн». Она поместила на своих страницах ряд статей, в которых утверждалось, что Куба будто бы фактически превратилась в советскую социалистическую республику. Последняя статья в этой серии прямо предсказывает, что произойдет вторжение. Вот что говорится в этой статье: «Мир между Фиделем Кастро и кубинцами, являющимися его противниками, больше невозможен... Теперь спор между ними должен быть решен силой оружия... Почти с полной уверенностью можно сказать, что Куба будет ввергнута во все усиливающуюся смуту, в кровопролитные столкновения и в гражданскую войну». Оказывается, если пять тысяч вооруженных наемников, которых обучает и финансирует ЦРУ, нападут на миролюбивый остров с населением в шесть с половиной миллионов человек, это будет называться «гражданской войной»!

Появление статей было приурочено к тому времени, когда из контрреволюционного отхода сформировалось так называемое «правительство» в эмиграции с Миро Кардона во главе. «Правительство» именует себя «революционным советом», чтобы обойти действующие в Соединенных Штатах законы о нейтралитете, согласно которым на американской земле запрещено создавать эмигрантские правительства. Кардона и его единомышленники, открыто встречающиеся с руководящими работниками государственного департамента и Центрального разведывательного управления, утверждают, что вторжение произойдет «в скором времени».

По сведениям, полученным из хорошо информированных вашингтонских источников, существуют разногласия между Центральным разведывательным управлением США и группой сотрудников государственного департамента. ЦРУ настаивает на том, чтобы вторжение было осуществлено немедленно, опасаясь дальнейшего укрепления обороноспособности Кубинской Республики. Позиция Центрального разведывательного управления совпадает с позицией наиболее оголтелых кубинских эмигрантов-контрреволюционеров, которые ратуют за возвращение земли и заводов прежним владельцам и принимают открытую поддержку со стороны Соединенных Штатов.

Другая группа в так называемом «революционном совете» стремится прикрыть планы вторжения разговорами о том, что она готова принять земельную реформу и национализацию промышленности. Ее сторонники опасаются, что вторжение, осуществленное под явным руководством Соединенных Штатов, повредит их пропаганде. Они выступают за усиление подрывной деятельности против Кубинской Республики и пытаются развязать на острове партизанскую войну. Государственный департамент США предпочел бы именно такой образ действий: считались с настроениями в Латинской Америке, он хотел бы сохранить маску благопристойности.

Центральное разведывательное управление не рассчитывает на то, что силам вторжения удастся свергнуть правительство Кастро, однако оно ожидает, что военные действия причинят ущерб народному хозяйству Кубы и подорвут экономическую жизнь страны. Более того, есть подозрение, что Центральное разведывательное управление надеется получить достаточные основания для того, чтобы добиваться официального признания группы мятежников во главе с Кардона и найти повод для открытой интервенции Соединенных Штатов. События могут развернуться в любой момент и принять любой оборот.

НЬЮ-ЙОРК, апрель.

— Но ведь народ Кубы против вас!
— Подумаешь! Каких-нибудь шесть миллионов человек...

Рисунок Н. Лисогорского

Пресс-конференция во Флориде...

Банда отщепенцев и предателей кубинского народа, именующая себя «революционным советом Кубы», обосновалась в Майами (штат Флорида). Здесь, под крылышком гостеприимных американских властей, эта шайка отщепенцев вела подготовку к вторжению на Кубу.

ИХ СЛОВА НАПОЛНЕНЫ ГНЕВОМ

Шестеро кубинцев молча сидели в гостиничном номере. Сидели и думали. Их лица были серьезны, даже напряжены... Они думали о том, что случилось.

Только что они узнали о разбойничьем нападении гнусных банд наемников на их святую землю, на их милую, родную Кубу. Шестеро кубинцев — Уго д'Акоста, Карлос Идуэта, Армандо Горра, Фаустино Эстэба, Рамон Родригес Ала, Ласаро Дуранса — сейчас, находясь в дружественной и сердечной Москве, размышляли о случившемся.

— По профессии я архитектор, — сказал нам заместитель министра общественных работ Кубы, глава делегации Уго д'Акоста. — Свободная Куба бурно строилась. Мы, наверное, слышали о новых районах Гаваны, о новых поселках для крестьян... И вот мы приехали в Москву, чтобы перенять у вас опыт. Мы целую неделю изучаем московское строительство. Весь день мы провели на Юго-Западе — это солнечно, великолепно. Мы подружились с московскими строителями и архитекторами. Мы рассказали им о наших планах. Ведь у нас столько дел. И вдруг такая весть...

— Она была для вас неожиданной?

— Нет, мы думали, что это может произойти, и все таки...

— Что вы скажете о свершившемся?

— Это подло, это гнусно, это — пиратское нападение. Но можете не сомневаться, мы уверены, оно кончится полной победой народа, — гневно сказал Уго д'Акоста. — Впрочем, это не только мое мнение...

— Все мы думаем одинаково, — заметил инженер-электрик Фаустино Эстэба. — Народ Кубы защитит свою родину. Не зря у нас говорят: родина или смерть... А какие последние новости из Гаваны?

Я передал кубинским друзьям содержание только что полученной из Гаваны телеграммы.

— Что в Гаване? — тихо спросил Уго д'Акоста. — Все наши близкие сейчас там... Хороший город, а главное — наш родной город. И непрошеным гостям горов в Гавану не будет.

...Так мы недолго беседовали в гостиничном номере, и слова кубинцев были наполнены гневом.

Шестеро кубинцев, конечно, были взволнованы. И это трудно передать словами. Но это была тревога сильных людей, людей, знающих свою цель, ненавидящих империалистов, больше всего дорожащих свободой, людей, готовых постоять за родину.

Когда я покидал кубинских друзей, Уго д'Акоста крепко пожал мне руку.

— Они будут разгромлены, — сказал он. — Янки — но, Куба — си! Народ наш отстоит свою землю! Мы еще будем строить Гавану, непременно будем!

Н. МАР

ПРОТЕСТ ПРОТИВ АГРЕССИИ

С возмущением мы узнали о том, что после бомбардировки кубинских городов на Кубу высадились вооруженные банды. Кто в мире может сомневаться, что все это подготавливалось Соединенными Штатами Америки и руководится ими! Комитет солидарности с кубинским народом выражает гневный протест против всех этих актов агрессии в отношении Кубы.

Людвиг РЕНН,
немецкий писатель,
председатель Комитета солидарности ГДР с кубинским народом

БЕРЛИН

Люди и книги Америки

Ел. РОМАНОВА

ПРИЕХАВ в Соединенные Штаты Америки, с первых же шагов на американской земле поражаешься обилию книг. На протяжении многих лет американская печать изобиловала такими потоками низкопробной чтивущих книги. Не так давно в «Нью-Йорк таймс» сообщалось, что в 42 процентах американских домов нет книжных полок.

Официальной статистике нет оснований не верить. Вполне естественно предположить, что в немалом числе домов, где книжные полки есть, они играют скорее декоративную роль. Во всяком случае, лично мне не раз бросалась в глаза удивительная нетронутость книг, украшавших парадную комнату американского дома.

Вот отчего поражает глаз обилие книжных витрин на аэродромах и вокзалах, в знаменитых «драг-сторс» (чисто американское явление, удобное и в то же время очень уж пестрое смешением медикаментов и игрушек, аляповатых открыток, стойки для кофе и легкой закуски). Эти витрины пестрят глянцевыми, привлекающими взгляд, броскими обложками, чаще всего с интригующей картинкой. Продаются они по цене, равной стоимости трех-четырех номеров ежедневной газеты. Их покупают поневоле, но обращаются с ними не лучше, чем с газетой. В самолетах и поездах из сумочек и карманов, как правило, торчит такая книжка. К концу рейса она просмотрена и изрядно помята. Выходя из самолета, оглянитесь назад, и вы обнаружите несколько таких книжонок на опустевших сиденьях.

Между тем среди обилия бульварной дешевки в последнее время точно в таких же изданиях — и нередко не менее фривольных, сценами на обложках — стали появляться серьезные, а то и классические романы. Однако рядовому, не очень образованному читателю просто не разобраться, где кончается бульварное чтиво и начинается нечто серьезное. Ибо ведь ржавлама в США может сбить с толку кого угодно.

Может получиться так же, как с переславутыми бестселлерами. Списки их широко публикуются в печати. Вы без труда узнаете, какое место по спросу в крупнейших книжных магазинах занимает сейчас та или иная из модных книг. Но только совсем наивные люди судят по этим спискам об истинной цене книги. Попробуйте заговорить с кем-либо из американцев, назвать один из перечисленных в списках «боевиков сезона» и осведомиться, каково мнение о нем вашего собеседника, и вы можете услышать в ответ: «Да что вы, ведь это — бестселлер, какая же это литература?!» Так бизнес в погоне за сбытом и прибылями постепенно подрубает сук, на котором сидит. Люди, не раз и не два обманутые потоком восторженных отзывов, перестают верить любым заверениям.

В самом конце прошлого года в США вышла очень остроумная и очень злая книжка под таким заглавием:

«Как написать тотчас же на досуге и весьма разумно бестселлеров в стиле Эрвина Шоу в своем квартале, если, конечно, у вас в квартале уже нет хотя бы одного писателя, в каковом случае вы окажетесь вторым, и это тоже не так уж плохо...»

В форме настоящего пособия «в помощь начинающему автору» книга стал национальной привычкой: без полос очередного комикса не выходит ни одна воскресная газета.

А КАК ЖЕ относятся американцы к настоящей литературе, читают ли ее, что о ней говорят? Конечно, в любой стране без труда можно обнаружить очень различные мнения и литературные вкусы. Однако из многочисленных встреч и бесед с американцами складывается ясное убеждение: читают мало, прочитанного не помнят, говорить о книгах и литературе вообще между собой не принято. Читают некоторые журналы. Создалось впечатление, что наиболее популярны «Сатердей ревью», «Атлантик» и «Нью-Йоркер».

О номере «Атлантик» за июнь 1960 года, посвященном советской литературе и советскому искусству, знали буквально везде, где только мы встречались с интеллигентами. Этот номер был по настоящему популярен: как нам рассказали в Бостоне, в редакции самого журнала, на него поступили тысячи читательских откликов.

На просьбу назвать интересные, понравившиеся им книги, редко кто из американцев назовет больше одной-двух, да и то изрядно помедлив. Молодежь обычно начинает с книги Сэлинджера «Над пропастью во ржи». В университетских кругах мы услышали имена романиста Джона Апдайка, британского новеллиста Джеймса Болдуина и некоторых других. Очень часто заходил разговор о только что вышедшей публицистической книге Райта Миллса «Послушайте, янки»—о революции на Кубе. Ее единодушно хвалили. С интересом была принята и другая его книга—«Элита у власти», о богатейших семьях Америки. Вообще людей серьезных, думающих значительно больше интересуют не «художественные произведения, а публицистика. Впрочем, и это имеет свою обратную сторону. Не раз давно глава одной крупной издательской фирмы в интервью для «Уолл-стрит джорнэл» отметил, что четыре пятых их плана составила публицистика. «Ее редактировать легче,— добавил он. — В наших силах заставить автора написать то, что нам нужно. В беллетристике такого не сделаешь». Выразительно, и в комментариях, как говорится, не нуждается.

Если же говорить о романе, то пути его развития вызывают у многих думающих американцев серьезную тревогу. В нынешней в конце прошлого года книжке «Литературное творчество в Америке», где составителем Джоном Фишером и Робертом Сильверсом собрано около 15 статей (главным образом из журнала «Харперс») о состоянии литературы, разбросано немало злых, горьких наблюдений. Одна из названных уже говорят за себя: «Шире и умнее применять книгу», «Поколение одиночек — комментарий к литературе 50-х годов», «Серебряный век поэзии — неправдоподобный диалог», «Почему американские пьесы — не литература», «Упадок искусства рецензии» и т. д.

Несомненный интерес в том же плане представляют две статьи поэтессы и публицистки Ив Мерриам в журнале «Прометеан ревью». Его с 1959 года выпускает единственный в США прогрессивный книжный клуб «Либерти». Одна из статей называется «Собственное лицо в зеркале стареющего буржуа», вторая — «За изготовлением спичечных коробков».

Смысл острых, пронизанных иронией наблюдений Ив Мерриам сводится вкратце к следующему. Честному американцу из так называемого «среднего класса» свойственно свое, собственное — критическое даже — отношение к происходящему вокруг. Он — ярый противник конформизма. Но он устал от всего, его одолевает равнодушие. Порою ему приходят мысли об участии в каком-либо позитивном движении, но он поспешно отгоняет их прочь. «На что я способен? — говорит он себе. — Какой с меня прок?.. Ведь именно мое поколение несет ответственность за атомную бомбу. Именно мое поколение допустило холодную войну, события в Литтл-Роке, забвение этических норм... Пусть поднимается новая смена». «Это, казалось бы, гипертрофированное чувство ответственности, — пишет Мерриам, — ведет к весьма уродливой... безответственности». Ив Мерриам призывает своих сверстников, людей среднего поколения, задуматься над происходящим, сбросить с себя личину бездеятельности и принять ответственность за судьбы нашего мира.

Вторая статья «За изготовлением спичечных коробков» снабжена подзаголовком «Измельчание американской литературы» и открывается ссылкой на появляющиеся несколько лет назад в книжном приложении к «Нью-Йорк таймс» карикатуры: продавец с самоуверенной улыбкой протягивает покупательнице неправдоподобно крохотную книжицу. Подпись гласит: «Вам надлежит добавить водицы, мадам, и вы получите роман полного объема».

«Сегодня и эта перспектива закрыта, — продолжает автор статьи. — В современной американской литературе поражает тот факт, что книжная миниатюра — и имею в виду книгу малых идей — признается за норму...» И дальше: «Чем меньше скажешь, тем больше людей отнесется к тебе симпатией... Все эти миниатюры, разумеется, сделаны очень ловко. Требуется умение и старание, чтобы скрыть тот факт, что внутри нет ничего... Если вы можете приобрести в ближайшей «драг-стор» непельницу, бокал или открытку с изображением тощей фигуры и надписью «Мама меня не любила», какой, в самом деле, смысл развозить ту же мысль на три акта драмы или на 400 страниц романа...»

Будучи облечены в форму непринужденного разговора с читателем, эти выступления Ив Мерриам свидетельствуют о серьезной озабоченности прогрессивно настроенной интеллигенции Америки будущим американской литературы, тем, что она далека от общественных проблем нашего времени.

В ОДНОЙ из недавних статей о современной американской литературе приводятся великолепные слова поэта и философа XIX века Эмерсона: «Пойдете без народа, попадете во мрак ночи». По-иному выраженная, эта мысль красной нитью проходит через многие высказывания современных критиков США. Так, о своей ответственности писателям Америки отчуждения от общественной жизни своего народа взволнованно писал в знакомой нашим читателям статье американский писатель, уехавший недавно во Францию, Хокон Шевалье*. Однако в критике раздаются голоса и совсем иного толка.

Под видом поисков путей к «оздоровлению» американской литературы некоторые горе-советчики из еженедельника «Нейшн», например, пытаются «теоретически» обосновать позиции «аутсайдера», стороннего наблюдателя, отвлечь художника от стремления «завоевать любовь общества, принудить ему пользу...» При этом делаются попытки утверждать, что все, кто предостерегал в свое время художника от изоляции в «башне из слоновой кости», не могли видите ли, «предвидеть общество, в котором массовые движения ведут лишь к кучению торговых центров, в котором разум утоплен в кока-кола...» Творческой личности дается поэтому настоятельный совет держаться от всего этого подальше. «Только в разреженной атмосфере теплицы,— продолжает автор,— нежные ростки его сознания имеют хоть какой-нибудь шанс выжить...»

Появление статеек, вроде процитированной выше, могло бы внушить некоторую тревогу. Однако, как показывает практика литературной жизни в США последних лет, лозунг «искусство для искусства» теряет свою притягательную силу. Не случаен широкий интерес к публицистике, жанру, наиболее приспособленному отображать происходящее в мире. Все чаще и к художественной литературе люди обращаются в поисках ответов на волнующие их жизненные вопросы. Не прошли бесследно годы общих для всего человечества тревог, вызванных международной напряженностью, отдыхающими реакционных сил, накоплением запасов смертоносного оружия. Захватывающие все более широкие круги американского народа настроения неудовлетворенности, тревоги за подрастающее поколение все чаще и настойчивее прорываются в жизни, и в печати. Эти настроения начинают давать свои все более осязаемые плоды и в литературе. Есть основания предполагать, что именно по этому пути, пути приближения к жизни, к ее острым проблемам и реальным сложностям пойдет в ближайшие годы развитие американской прозы. Артур Миллер в статье «Спутник и американская интеллигенция», опубликованной в «Нью-Йорк геральд трибюн», с горечью вспоминает послевоенные годы. «Я бы хотел верить, — продолжает драматург, — что этот период в истории Америки приходит к концу. Грубо говоря, я назвал бы его десятилетием выпадания у Америки мозгов... На какое-то время им удалось избавить Америку от интеллигенции... Сейчас все это как будто миновало... Возможно... наша литература и драматургия получат новый толчок и зазвучат сильнее...»

Предсказания, даже самые обоснованные, все же всегда менее надежны, чем то, что уже является литературным фактом. Но о прозаических произведениях последнего года — в следующей статье.

* См. «Литературную газету» от 16 февраля 1961 г.

СЛОВО НАПИСАННОЕ И СКАЗАННОЕ

(Продолжение. Начало на 3-й стр.)

передать с таким искусством именно потому, что, в отличие от Лермонтова, он делает упор на разговорность, описывает, а еще более «изображает» своих героев, пародийно сгущая их речи со всеми их особыми выражениями, словечками, недомолвками и даже передавая самую неспособность их вполне выразиться при помощи слов: тут и речь, от которой весьма веет книжностью, и отдающая канцелярскими оборотами, и построенная вся на преувеличениях в превосходной степени, и засоренная множеством слов, ничего ровно не значащих, и длинные периоды, искусно скрывающие отсутствие мысли, и речь отрывистая, состоящая из отдельных, не связанных между собой предложений. В соответствии с замыслом Гоголя речи эти вызывают комический эффект и разоблачают ничтожество владельцев крепостных душ и чиновников крупных, и менее крупных, и калибра совсем уже мелкого.

Но вот в «Шинели» — другой предмет и другая цель. И Гоголь показывает, как бедный Акакий Акакиевич изъясняется больше частью «предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения». «Так этак-то...», «Вот какое уж, точно, никак неожиданное, того...» Но, доведя здесь до крайности способ изображать в речи самое характерное, показывать не столько говорит персонаж, но еще более как он говорит это, Гоголь гениально представил забитое, бесславное существо.

Тут можно предвидеть возражение, что, дескать, прямая речь — диалог, монолог — всегда разговора, а сказ ведется тоже от чьего-то лица, и при чем тут повествовательная проза?

Но у того же Гоголя повествование, которое ведется и не от лица пасечника Рудого Панька, но от лица самого автора, все равно сохраняет все богатство и разнообразие разговорных оборотов и интонаций. Можно привести десятки, сотни примеров того, с каким блеском использованы им приемы устного рассказчика в стремительных по темпу, одним дыханием сказанных и в то же время подробнейших, обстоятельнейших описаниях-отступлениях.

Вспомним хотя бы то место из «Мертвых душ», где почтмейстер высказывает свою удивительную биографическую догадку о том, кто таков Чичиков, неожиданно вскрикнув: «знаете ли, господа, кто это? Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно время: а кто? — Это, господа, судьба мой, не кто другой как капитан Копейкин! А когда все тут же в один голос спросили: кто таков этот капитан Копейкин? — почтмейстер сказал: так вы не знаете, кто такой капитан Копейкин?

Все отвечали, что никак не знают, кто таков капитан Копейкин.

«Капитан Копейкин», сказал почтмейстер, отрывая свою табакерку... «Капитан Копейкин», повторил он, уже понюхавши табаку...» и т. д.

Все это вовсе не значит, что речевая характеристика должна обязательно строиться на преувеличении речевых недостатков и что она может быть только разоблачительной, а отношение автора к персонажу, как у Гоголя, только иронически и никаким другим. В прозе Достоевского, Льва Толстого, Чехова, Горького, Бунина, Шолохова, Алексея Толстого своей—индивидуальной — речью характеризованы решительно все персонажи. В «Войне и мире» своя, особая речь Кутузова и у Багратиона, у Каратаева и у Пьера Безухова. Даже члены одной семьи — Наташа, Николай и Петя Ростовы, и те, сохраняя общий семейный стиль в разговоре, в то же время говорят каждый по-своему. Вспомним роман, мы представляем себе героев только в их образах. Мы слышим голоса старого князя Болконского, когда он начинает возражать раздраженно и крикливо; Архосмову с ее решительным и громким разговором, У капитана Тушина «тон задушевный», и как хорошо выражает он и «Вот какое уж, точно, никак неожиданное, того...»? Но, доведя здесь до крайности способ изображать в речи самое характерное, показывать не столько говорит персонаж, но еще более как он говорит это, Гоголь гениально представил забитое, бесславное существо.

Тут можно предвидеть возражение, что, дескать, прямая речь — диалог, монолог — всегда разговора, а сказ ведется тоже от чьего-то лица, и при чем тут повествовательная проза?

Но у того же Гоголя повествование, которое ведется и не от лица пасечника Рудого Панька, но от лица самого автора, все равно сохраняет все богатство и разнообразие разговорных оборотов и интонаций. Можно привести десятки, сотни примеров того, с каким блеском использованы им приемы устного рассказчика в стремительных по темпу, одним дыханием сказанных и в то же время подробнейших, обстоятельнейших описаниях-отступлениях.

Вспомним хотя бы то место из «Мертвых душ», где почтмейстер высказывает свою удивительную биографическую догадку о том, кто таков Чичиков, неожиданно вскрикнув: «знаете ли, господа, кто это? Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно время: а кто? — Это, господа, судьба мой, не кто другой как капитан Копейкин! А когда все тут же в один голос спросили: кто таков этот капитан Копейкин? — почтмейстер сказал: так вы не знаете, кто такой капитан Копейкин?

Мощное наступление разговорной речи на стих в двадцатом веке произошло в поэзии Маяковского. Уже «Тарасконский на разговорных интонациях, которые до сих пор господствовали, пожалуй, лишь в сказках, строит в своих поэмах и повествовательный стих, и диалог, причем наделяет героев такими индивидуальными голосами, что Мортуна и Терпина не спутать никак, хотя оба смоленские и одного социального происхождения.

В драматическом произведении речь персонажа становится главным средством раскрытия характера, ибо еще более, чем в поступках, характер обнаруживается в диалоге. В ином случае пришлось бы сделать вывод, что в драмах со сложным детективным сюжетом характеры раскрываются полнее, чем, скажем, в пьесах Чехова или Горького. По счастью, опыт театра доказывает, что это не так. Развитие действия в диалоге, даже и при отсутствии внешних происшествий, способно вызвать куда больший интерес, чем сцены с преследованиями и предательствами. Правда, для этого каждый персонаж должен быть наделен собственной речью, а не теми нейтральными репликами, которые произносятся лишь в интересах развития сюжета и писаны без уважения к труду актера.

В спектакле «На дне» действия как цепи развивающихся событий нет. Люди живут в ночлежке, приходят и уходят, спят, едят, пьют, ссорятся — случайные соседи по ночлежке. Характеры выявляются в деловых репликах, в задушевных разговорах, в сложных отношениях этого коллектива, объединенного общей социальной судьбой. Все действие пьесы заключено в точной, образной, глубоко индивидуализированной речи каждого из персонажей. Вспомним, как читает Качалов беседу Сатина и Барона! Два разных человека, два характера, два мира, две философии! «Событие не обязательно должно произойти в сюжете. Оно может произойти и в диалоге». Эти слова, слышанные мною в 1935 году от самого Алексея Максимовича, сказаны были по поводу устного рассказа, построенного на диалоге, но выражали они драматургические принципы Горького. Вот почему с напряжением смотрятся горьковские пьесы, в которых развития внешнего сюжета совсем почти нет. Свято в диалоге сверкают такие конфликты, которые в течение вечера разделяют действующих лиц на два лагеря, два мира — тружеников и собственников. Фраза «Человек — это звучит гордо», сказанная в ночлежном подвале человеком в лохмотьях, составляет в спектакле момент самого высокого напряжения.

Эти слова стали всемирно известным афоризмом. Но не всякой, даже и мудрой, фразе суждено стать разговорной, «крылатой». Для этого сама она должна быть разговорной — и по лаконичности, и по структуре, и по интонации. Если вспомнить имена Крылова, Грибоедова, Гоголя, Щедрина, Горького, Маяковского, Бабеля, Ильфа и Петрова, Твардовского, Исаковского, так часто в разговоре цитируемых, станет ясным, что в повседневную речь народа входят цитаты из произведений, в которых широко использованы разговорные интонации, что из хорошо написанных произведений народ запоминает наизусть то, что в них «хорошо сказано».

(Окончание следует)

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4.04-62, отделы: русской литературы — Б 8.99-33, искусств — Б 1.11-69, литературы народов СССР — Б 8.59-17, внутренней жизни — К 4.06-05, международной жизни — К 4.03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4.84-28, информации — К 4.08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4.11-88. Коммутатор — К 5.00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—04180

И. о. главного редактора В. А. КОСОЛАПОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.